

Все, глядя на то, как он пристально смотрит на Цзи Цзюэ, не решались вмешаться, предполагая, что между ними есть какая-то старая вражда.

Однако обладатель третьего места приехал из маленького городка Цинчжоу и, прибыв в столицу, почти не выходил из дома. Какие могут быть разногласия между ним и этим знатным принцем?

Цзи Цзюэ поклонился и спросил:

— Что плохого в «Шицзине»?

«Стук топоров, пение птиц; из глубокой долины они перелетают на высокое дерево» — этот образ перелётных птиц взят из «Малых од» «Шицзина». Шестой принц, используя эти строки для насмешки над Цзи Цзюэ, разве не оскорбляет «Шицзин»?

Классика, которую почитает сам император, главная из шести канонов с древних времён, теперь вызывает отвращение?

Шестой принц явно просто искал повод для ссоры.

Цзян Сюань поставил бокал и, помахивая веером, улыбнулся:

— «Шицзин», конечно, хорош, но манера господина Цзи радоваться своему успеху вызывает смех.

Цзи Цзюэ стал серьёзен и, поклонившись в сторону императорского дворца, сказал:

— Искусства и знания служат императорской семье, чтобы совершать великие дела и управлять миром. Это естественно и правильно.

— Разве не с этой целью наш основатель ввёл систему экзаменов для отбора талантов? Что за намерения у шестого принца, унижающего путь чиновников на банкете?

— Неужели все таланты, прошедшие пять экзаменов, многочисленные учёные Академии Ханьлинь, присутствующие здесь, ученики императора, в глазах шестого принца — просто радующиеся своему успеху?

Цзи Цзюэ, будучи слабым здоровьем, говорил негромко, и, произнеся эту длинную речь, он несколько раз кашлянул, но слова его заставили всех затаить дыхание.

Шестой принц, как младший сын императрицы, брат четвёртого принца, был очень любим императором. Такие слова Цзи Цзюэ не оставили ему ни капли лица.

Сначала Цзи Цзюэ затронул традиции предков, затем привлёк «учеников императора», втянув всю Академию Ханьлинь в этот спор.

Как и раньше, он возвёл одну строку стихов до уровня классики, которую почитает сам император.

Цуй Цинхэ, сидевший за одним столом с Цзян Сюанем, сделал глоток вина, и уголок его губ слегка приподнялся.

Если бы Цзи Цзюэ был ещё более резким, он бы уже указывал на Цзян Сюаня, обвиняя его в неуважении к императору, провокациях и неблагодарности.

Цзи Цзюэ подошёл бы для работы в цензорском управлении, подумал он.

Цзян Сюань разозлился. Он прекрасно понимал, что Цзи Цзюэ косвенно обвиняет его в неуважении к императору и провокациях, но пока не мог придумать, как опровергнуть его.

Цзи Цзюэ снова поклонился, мягко и почтительно сказав:

— Таковую клевету я не могу принять, не смею принять, и никто из присутствующих не должен её принимать.

Цзян Сюань с грохотом захлопнул веер и, дрожащей рукой указав на Цзи Цзюэ, гневно произнёс:

— Цзюэ? Ты не достоин.

Сказав это, он, не обращая внимания на присутствующих, развернулся и ушёл.

— Ваше Высочество, будьте осторожны в словах, — сказал Цзи Цзюэ, спокойно сев.

Цзян Сюань покинул банкет, положив конец этому спору.

Вся беседка погрузилась в странную атмосферу. Шестой принц не смог спорить и перешёл на личные оскорбления?

В этом поколении императорской семьи действительно используют иероглиф «юй» в именах, но разве это значит, что господин Цзи не может использовать иероглиф «цзюэ»? Это бессмыслица.

Когда появится новый принц, и император даст ему имя «Цзюэ», тогда господин Цзи может и подумать о смене имени.

Получается, шестой принц устроил весь этот скандал из-за имени? Неужели у него проблемы с головой?

Испортить настроение на банкете, назвать всех карьеристами — это уже верх невежества.

Тан Ань поднял бокал за Цзи Цзюэ и улыбнулся:

— Обладатель третьего места — истинная жемчужина.

Обладатель третьего места, как драгоценный камень, действительно достоин своего имени.

Он представлял всю семью Тан и, пока шестой принц был здесь, не мог ничего сказать, но теперь решил возместить ущерб, снова подняв бокал за Цзи Цзюэ, чтобы выразить свои извинения.

Цзи Цзюэ принял это с достоинством, как будто не он только что поссорился с шестым принцем.

Однако те, кто до этого смеялись и шутили с Цзи Цзюэ, теперь, казалось, избегали его.

Шестой принц, даже если он не прав, не тот, кого можно обижать.

Близкие и далёкие быстро разделились.

Тянь Чжо, сидевший за другим столом, внимательно посмотрел на Цуй Цинхэ и сказал:

— Хороший спектакль, не так ли, господин Цуй?

Цуй Цинхэ улыбнулся, но ничего не сказал.

После банкета они не сели в карету, а пошли пешком, чтобы протрезветь. Тянь Чжо заговорил:

— Я слышал, что после объявления результатов стихи обладателя третьего места стали очень популярны и получили много похвал.

Цуй Цинхэ кивнул:

— Так и должно быть.

— А шестой принц в кабинете ресторана в квартале Аньлэ был в ярости?

— О? — Цуй Цинхэ, идя через цветы, спросил. — Откуда вам это известно?

— Я случайно оказался в соседнем кабинете.

— Господин Тянь, вы шутите, — спокойно сказал Цуй Цинхэ.

— Я просто хотел узнать, кто донёс до шестого принца слова императора: «Если бы какой-нибудь из моих сыновей написал такие стихи, я бы сразу сделал его наследником»?

— Не знаю, не знаю.

— В тот момент в зале Вэньхуа было всего несколько человек, господин Цуй, не нужно, чтобы я их перечислял?

— Там был и господин Чжао.

— Разве господин Чжао — тот, кто распространяет сплетни?

Цуй Цинхэ остановился и, приблизившись к Тянь Чжо, вдруг улыбнулся.

— Шестой принц чист душой — прямолинеен и искренен, немного поспорить — это проявление его детской натуры.

Его дыхание коснулось лица Тянь Чжо.

Тянь Чжо резко отступил на три шага, глядя на Цуй Цинхэ с выражением «не стоит с ним связываться».

Он беззвучно произнёс.

Этот, казалось бы, миролюбивый человек беззвучно произнёс «зачинщик» в адрес Цуй Цинхэ, затем встряхнул рукавами и ушёл, не желая идти с ним дальше.

Цуй Цинхэ рассмеялся, покачал головой, сохраняя вид изысканного джентльмена.

Тянь Миньчжи действительно ребёнок, подумал он.

Вернувшись в гостиницу, Цзи Цзюэ никак не мог понять.

— Наши отношения с принцем раскрылись?

Цянь Эрлан усмехнулся:

— Я занимался этим делом, всё было настолько секретно, как это могло раскрыться?

— Тогда с чего это шестой принц устроил сцену?

— Император в зале Вэньхуа сказал: «Солнце и луна проходят над моими плечами, горы и реки всегда перед моими глазами... Если бы какой-нибудь из моих сыновей написал такие стихи, я бы сразу сделал его наследником, но, увы».

Цянь Эрлан понизил голос, подражая императору.

— Это уже стало известно? — спросил Цзи Цзюэ, кашлянув.

— Ещё как. Вся столица уже знает... Это стало настоящей сенсацией, — поддразнил Цянь Эрлан. — Когда наши литераторы будут составлять сборники, или кто-то в будущем напишет биографию талантов, с этой фразой никто не сможет соперничать.

Цзи Цзюэ покачал головой:

— Это принц...

— Какое это имеет к нему отношение, — Цянь Эрлан положил в печь кусочек ароматической палочки. — Мы не можем всё время жить в гостинице, новый дом уже готов, но нужно сделать вид, что мы только что купили его. Завтра я пойду в агентство по недвижимости, подпишу документы, и послезавтра переедем.

— Где?

— Мы не выгладим людьми, которые могут позволить себе многое, поэтому сняли дом рядом с кондитерской на улице Дуншицзы.

Цзи Цзюэ усмехнулся:

— Кондитерская принадлежит нашему принцу?

Цянь Эрлан покачал головой:

— Нет, но чайная рядом с ней — его, хотя принц предпочитает покупать пирожные в кондитерской. Там красивая хозяйка.

Он закончил и понял, что сказал лишнее, добавив:

— Я имел в виду, что их пирожные с персиковым цветом действительно вкусные, а пирожные с финиковой пастой тоже хороши, но они слишком южные, мне не совсем по вкусу...

Ладно. Император всё ещё... довольно детский? Интересно, насколько красива хозяйка кондитерской.

— Указ о назначении должности должен скоро выйти, — сменил тему Цянь Эрлан.

— По традиции, это должно быть место в Академии Ханьлинь? — спросил Цзи Цзюэ.

Цянь Эрлан кивнул и добавил:

— Завтра пойдём в Хунлусы, послезавтра во дворец, а потом будет отпуск для посещения родных. Ты сможешь немного отдохнуть.

— Мне не нужно возвращаться, ты не хочешь навестить свою мать в Ечэне?

Цянь Эрлан на мгновение замолчал, затем выпил чай, машинально вертя в руках тонкую кисть, и наконец сказал:

— У всех свои дела, туда и обратно — несколько месяцев, это того не стоит.

Цзи Цзюэ налил ему горячего чая.

Цянь Эрлан взял чашку и улыбнулся:

— Письма всё ещё идут, она там живёт спокойно, дел мало, двадцать лет как один день, мне не нужно её беспокоить.

Цзи Цзюэ кивнул, но вдруг с удивлением спросил:

— А эта кисть у тебя?

<http://bllate.org/book/16201/1454063>